

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУР И ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ СВЯЗИ

Т.А. Алпатова

Московский государственный областной университет (Россия)

ЭДВАРД ЮНГ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Г. ДЕРЖАВИНА И Н. КАРАМЗИНА

Статья посвящена проблемам рецепции творчества Э. Юнга в русской литературе конца XVIII века. Популярность английского поэта-предромантика в России была очень велика, что доказывают разнообразные переводы, среди которых наиболее известный был выполнен русским мыслителем-масоном А. Кутузовым и опубликован в журнале «Утренний свет» в 1778 году. Эта публикация способствовала повышению интереса к творчеству Юнга. Реминисценции из его произведений появляются в творчестве Г. Державина («На смерть князя Мещерского», «Бог») и Н. Карамзина («Поэзия», «Письма русского путешественника», «Прогулка», «Ночь» и др.). Однако усвоение художественного опыта английского поэта происходит у каждого из них по-разному. Для Державина на первом месте оказывается религиозно-философский пафос произведений Юнга, в то время как для Карамзина большее значение имеет лирическое, психологическое начало. Анализ реминисценций из Юнга в творчестве Державина и Карамзина позволяет сделать выводы о специфике усвоения традиций английской литературы в России на рубеже XVIII–XIX веков.

Ключевые слова: Э. Юнг; Г. Державин; Н. Карамзин; философская поэзия; русская литература XVIII века; компаративистика; рецепция английской литературы в России.

T. Alpatova

Edward Young in the Art World of G. Derzhavin and N. Karamzin

This article is devoted to the problems of reception by E. Young's creativity in the Russian literature of the end of the XVIIIth century. As an English poet-preromantic he was very popular in Russia that the various translations prove, among other the most known was executed by the Russian philoso-

pher and mason A. Kutuzov and was published in 1778 in the magazine "Utrenjij svet". This publication promoted increase of interest to Jung's creativity. Reminiscences from its works appear in G. Derzhavin's creativity ("On the death of the prince Meshchersky", "God") and in N. Karamzin's ("Poetry", "Letters of the Russian traveler", "Walk", "Night", etc.) however assimilation of art experience of the English poet take place differently. For Derzhavin on the first place there is a religious and philosophical pathos of Young's works while for Karamzin bigger value has the lyrical, psychological beginning. The analysis of reminiscences from Young in Derzhavin's and Karamzin's creativity allows to draw conclusions on specifics of assimilation by traditions of English literature in Russia at a boundary of the XVIII–XIX centuries.

Keywords: E. Yung; G. Derzhavin; N. Karamzin; philosophical poetry; Russian literature of the XVIIIth century; comparative studies; reception of the English literature in Russia.

Для русской поэзии последней трети XVIII века имя Э. Юнга обретает особое значение. Наряду с другими авторами, прежде не входившими в круг «образцовых» с точки зрения теории классицизма и в этом смысле как бы «неправильными» (У. Шекспиром, Дж. Томсоном, Т. Греем и др.), Юнг и его поэзия обретали в тот период значение «новых образцов», следование которым, однако, предполагало новый взгляд на сам процесс «подражания и соревнования», столь важный для нормативно-традиционалистской литературной эпохи и неизбежно трансформировавшийся в ходе становления принципов индивидуально-творческой поэтики, в том числе сентиментализма и предромантизма.

В центре внимания этой статьи — специфика восприятия поэзии Э. Юнга в творчестве Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина, предложивших, по существу, две основные авторские стратегии, определившие становление индивидуально-творческого типа художественного сознания как для ближайших современников, так и для более отдаленных последователей — поэтов первых десятилетий XIX века. Державин и Карамзин не раз рассматривались в подобном сопоставительном ключе. Уже П.А. Вяземский с уверенностью утверждал, что сам тип их мировосприятия противо-

положен: яркости и сочности поэтического видения Державина противостоит бóльшая стройность, строгость, едва ли не аскетичность изображений Карамзина. Поэты равновелики по дарованию, но природа этого дарования различна, и потому каждый из них наследовал определенной ветви художественной традиции XVIII столетия и порождал собственную школу в веке XIX.

Анализ того, какими путями идет в творчестве Державина и Карамзина усвоение единой в своей природе поэтической традиции, представляется полезным именно потому, что позволяет увидеть в судьбе этой традиции, в специфике ее трансформации особенности авторского выстраивания собственного поэтического «космоса». «Чужое слово» в его разнообразных формах — от переводов, подражаний до более или менее свободных «пересказов» и «переложений», «игры» прямыми и скрытыми цитатами, реминисценциями из текстов-предшественников — в изобилии присутствует в русской литературе XVIII века, причем как в период нормативно-традиционалистский, так и ближе к концу столетия, в период растущего ощущения кризиса нормативности. С ее падением сменялись поэтические авторитеты. «Резервуаром», откуда черпались необходимые для творческого диалога элементы «чужого слова», делались иные авторы, усвоение же их поэтических «уроков» становилось все более свободным. Интерпретация при этом определялась не только выбором тем, мотивов, образно-символических единиц, которые «припоминались». Трансформировался и переоформлялся сам жанровый строй текста, его поэтические интонации. Творческая трансформация столь глубоко меняла усваиваемые мотивы текста-источника, что в результате возникал совершенно новый «образ традиции», свободный диалог с которой и становился содержанием нового произведения.

Эдвард Юнг и его “The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality” (1742–1745) были одним из знаковых для новой русской литературы явлений. Их рецепцию на русской почве исследовали П.Р. Заборов [3: с. 169–179], Ю.Д. Левин [10: с. 249–290], В.Н. Топоров [13] и др. Однако исследователи, как правило, обращались к рассмотрению именно переводов из Юнга, в первую очередь перевода, выполненного А.М. Куту-

зовым [19]¹, а также (значительно реже) — М.В. Сушковой [15], П. Политковского [16], М. Паренаго [17], С. Джунковского [18], С.Н. Глинки [21]. Проблемы усвоения юнговской традиции в творчестве поэтов, создававших не переводы и даже не переложения его «ночей», но предлагавших именно «диалог» с этой традицией, допускаявший достаточно вольное обращение с нею, рассматривались в науке значительно реже. Однако, как представляется, именно эти примеры могут быть интересны как для осмысления собственно юнговской традиции в истории русской поэзии, так и для рассмотрения глубинных процессов, происходивших в ней на рубеже веков.

Державинская рецепция Юнга представлена главным образом в стихотворениях «На смерть князя Мещерского» и «Бог». Она опиралась на основные мотивы «Ночи Первой» Юнга (по-видимому, в переводе А.М. Кутузова); при этом само сочинение английского поэта трактуется Державиным как философская ода. Уже выбор жанра в данном случае говорил о переосмыслении поэтики Юнга, произведение которого представляло собой образец медитативно-дидактической поэмы [1]. Державина привлекают прежде всего возможности «лирической ситуации» «ночного размышления», тот текстопорождающий потенциал, который таит в себе мрачно-загадочное ощущение «древней ночи» («ancient Night»), «молчания и мрака» («silence and darkness») [21: p. 5] как ее неизменных спутников. Именно это особое ощущение позволяет обратиться к собственно философским размышлениям: о творении и Творце, о трагизме, который неразрывно связан с осознанием неизбежности смерти, и в то же время с поиском смысла в ней: смерть разрывает пути, сковывающие человека, привязывающие его к несовершенному земному существованию, и позволяет «возвратиться» в небесную отчизну, в отеческие объятия Создателя.

¹ Первая публикация восьми «Ночей» в переводе с немецкого А.М. Кутузова под заглавием «Юнговы ноши» и поэмы «Торжество веры над любовью» под заглавием «Могущество веры, или Любовь побежденная» появилась в журнале «Утренний свет» (Ч. 4. 1778. С. 229–286; Ч. 5. 1779. С. 161–189; Ч. 6. 1779. С. 175–271; Ч. 7. 1779. С. 1–41, 269–343; Ч. 8. 1780, С. 99–172, 236–264).

Этот единый в «Ночи первой» Юнга идейно-образный комплекс, будучи творчески усвоен Державиным, словно бы разделяется между двумя различными по философской проблематике одами: «На смерть князя Мещерского» развертывает в основном юнговскую тему смерти, ода же «Бог» — размышления о соотношенности творения и Творца, Бога и человека. И в той, и в другой оде особое значение имеет образ ночи: не повторяя характерных для Юнга поэтических обращений к ночи и связанных с нею аллегорических образов — сна, молчания, мрака («Tired Nature's sweet restorer, balmy Sleep!», «Night, sable goddess! From her ebon throne», «Silence and darkness: solemn sisters!» [22: p. 5–6] и т. д.), избегая несколько архаичных персонификаций, Державин, тем не менее, насыщает стихотворение символическими деталями, связанными с «ночной» семантикой и в этом смысле не позволяющими двусмысленно толковать лирическую ситуацию — восходящую к Юнгу ситуацию «ночных размышлений». В стихотворении «На смерть князя Мещерского» она задана уже в первой строфе, восходящей к мотиву Юнга, где и появляется столь важный для Державина образ боя часов как символа уходящего, уносящегося в бездну времени. Его звуковая насыщенность позволяла превратить поэтическую аллегория в более непосредственное, лирически напряженное переживание, вызванное минутным впечатлением, к тому же прямо внушенным читателю при помощи звукописи («Глагол времен! металла звон! // Твой страшный глас меня смущает, // Зовет меня, зовет твой стон, // Зовет, — и к гробу приближает» [2: с. 124]). Это ощущение «здесь и сейчас» происходящего, практически утраченное в прозаическом переводе Кутузова, возникло у Юнга — пусть в не столь развернутом звуковом соответствии внутренней рифмы:

The bell strikes one. We take no note of time
 But from its loss. To give it then a tongue
 Is wise in man. As if an angel spoke,
 I feel the solemn sound. If heard aright,
 It is the knell of my departed hours:
 Where are they? [22: p. 7].

Ср.: «Я слышу час бьет: мы примечаем время по единой оною утрате. Премудро поступил человек, дав колоколу язык.

Я чувствую важный звук сей, яко бы слова Ангела. Не обманываюсь я: се есть смертный звон скончавшихся моих часов. Где же они?» [20: с. 231–232].

«Ночным» колоритом проникнута и ода «Бог»: не случайно в автопримечаниях к ней Державин подчеркивал, что стихотворение было завершено благодаря чудесному видению раскрывшегося ему небесного света. Это видение позволило в итоге связать воедино казавшиеся несоединимыми мотивы: бесконечно большого и малого, общего и частного, земного и небесного, и сделало единственно возможными столь сложные и на рациональный взгляд совершенно запутанные «определения» Божества, вроде хрестоматийно известного «Себя собою составляя, // Собою из себя сияя, // Ты свет, откуда свет истек» [2: с. 56].

Юнгова «ночь» становится для оды «Бог» источником не только проблемно-тематического комплекса (соотношение творения и Творца), но и некоторых образных доминант — в первую очередь развернутого рассуждения о двуединой природе человека, в которой слилось бесконечно большое и малое, величественное и слабое, смертное и нетленное. Это в конечном итоге воплощается в афористичной формуле: «Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!» [2: с. 58], отличающейся в державинской интерпретации Юнга в первую очередь эмоциональной установкой не просто на отвлеченные размышления, но именно на живейшую и крайне эмоциональную попытку понять свою природу, свою творческую и метафизическую судьбу. Именно поэтому формы первого лица столь прочно занимают в державинской оде место размышлений в третьем лице, принятых у Юнга и у его переводчика-интерпретатора А.М. Кутузова:

How poor, how rich, how abject, how august,
 How complicate, how wonderful, is man!
 How passing wonder He who made him such!
 Who centred in our make such strange extremes!
 From different natures marvelously mix'd,
 Connexion exquisite of distant worlds!
 Distinguish'd link in being's endless chain!
 Midway from nothing to the Deity!
 A beam ethereal, sullied and absorb'd!
 Though sullied and dishonour'd, still divine!

Dim miniature of greatness absolute!
 An heir of glory! a frail child of dust!
 Helpless immortal! insect infinite!
 A worm! a god! ... [22: p. 7].

Ср.: «Сколь беден, богат, мал, величествен, сколь искусно составлен, сколь чудно сотворен человек!.. Но сколь же Тот всякое удивление привосходит, который в существе нашем столь чуждые един другому и отдаленные пределы соединил в едином средоточии! Преудивительное смешение природ различных! Прекрасное соединение миров отдаленных! Знатнейший член в бесконечной цепи вещей! Половина пути от ничтожества к божеству! Небесный луч, оскверненный и потушенный! Но хотя оскверненный, однакож еще божественный! Мрачный образ! Слабое подобие совершеннейших великостей! Наследник славы! Слабое чадо праха! Беспомощный! Бессмертный! Бесконечное насекомое! Червь! Бог!» [20: с. 232].

«Державинский» Юнг, если возможно такое метафорическое обозначение, оказывается более эмоционален и страстен. Следуя символично-метафорическому строю поэтических размышлений Юнга, Державин тем не менее трансформирует их таким образом, чтобы сделать органичной частью собственного художественного мира, превращая медитацию в непосредственное переживание «встречи» — вначале со смертным ужасом от осознания неизбежности, а затем и с Божеством, в котором разрешаются и примиряются все противоречия.

Еще более причудливой трансформации подвергается «образ Юнга» в творчестве Н.М. Карамзина. Думается, что в данном случае возможно говорить именно об «образе» английского поэта, так как, в отличие от Державина, Карамзин практически не обращался непосредственно к реминисценциям из Юнга; его интересует именно динамика восприятия Юнговой поэзии читателем-современником, место Юнга и его поэтического наследия в творческом сознании новой эпохи. В этом качестве, думается, Юнг приближается к столь же обобщенным образам других писателей, нередко представленным в творчестве Карамзина в афористичной формуле или в виде эмоциональной читательской харак-

теристики, как своего рода синтез литературных и историко-культурных ассоциаций, с ними связанных (ср. Ж.-Ж. Руссо, Л. Стерн, Дж. Мильтон, А. Поуп, У. Шекспир и мн. др.).

Образ Юнга в стихотворении Карамзина «Поэзия» — это одно из воплощений подлинного творческого духа, который наследует Англия от народов, ранее прославившихся на стезе словесности:

Британия есть мать поэтов величайших <...>
О Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель!
Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник слез,
И, с смертию дружа, дружишь ты нас и с жизнью! [6: с. 60–61].

Появляется обобщенная формула нравственных итогов творчества Юнга и в «Письмах русского путешественника». Примечательно, что она почти не отличается от формулы, найденной ранее в стихотворении: «Йонг, гроза счастливых и утешитель несчастных» [5: с. 369]. Образ Юнга поставлен в размышлениях путешественника наряду с образом Стерна и рассматривается в отступлении об английской литературе как один из последних «бессмертных британских Авторов» [5: с. 369], заключение их «фаланги», выше которых современная поэзия не сможет подняться.

Собственно «ночь» в мире Карамзина — и как общелитературная универсалия, и как художественный образ, связанный с юнговской традицией, позволяет судить о трансформации юнговской линии в ее трактовке. По мысли В.Н. Топорова, именно Юнг конденсировал в специфически единый «текст ночи» разнообразные семантические поля, связанные с литературным восприятием данной универсалии, начиная с античной поэзии до XVIII столетия: «...суть инициативы <...> состояла в соединении “ночного” с “кладбищенским” и, следовательно, с темой смерти, неизбежно влекущей за собою две другие темы — жизни и бессмертия как временного и вечного преодоления смерти. Жизнь, смерть и бессмертие отсылают к *человеку*, к его *душе*, которой только и дано бессмертие, к личному, напряженно-эмоциональному <...> неясному *предощущению бытийственного*» [13: с. 103]. Семантический ореол «ночного» текста русской литературы XVIII столетия, таким образом, формировался именно под воздействием мотив-

ной структуры духовно-философской лирики, а в эстетическом ключе — в виде образной доминанты со/противопоставления парных категорий, синтетическое осмысление которых оказывалось predetermined самим психофизиологическим восприятием ночи как таинственного, противоречивого, загадочного феномена бытия, как чего-то изначального, способного вмещать в еще не разделенном виде самые неожиданные противоположности. Ночь в категориях духовно-философской лирики XVIII столетия (прежде всего М.В. Ломоносова и М.Н. Муравьева) — это прежде всего размышления о пространстве и времени, космическом и природном началах, соотносительности творения и Творца, человека и природы, изменчивости, развитии, текучести психологических состояний человека [13: с. 123].

Думается, именно последний аспект художественного осмысления ночи как природного явления и культурной универсалии становится наиболее плодотворным для творчества Н.М. Карамзина. «Ночной текст» его произведений в целом предстает довольно разноплановым; семантический ореол образа ночи (и связанных с нею образных параллелей, от собственно изобразительных до символично-аллегорических) развивается как в связи с общей эволюцией творческой манеры писателя, так и в зависимости от родовой и жанровой специфики произведений. Образ ночи оформляется у Карамзина как весьма подвижное, противоречивое «единство в многообразии», не сводимое к строго определенной смысловой доминанте. Видя в образе ночи средство тонкого и сложного психологизма, Карамзин «освобождает» ее изображение от мотивов религиозно-философского поэтического «размышления». Таким образом, динамика и внутренняя противоречивость художественного воплощения в творчестве Карамзина оказываются глубоко сопряжены с общим динамичным, «становящимся» на глазах читателя строем карамзинского повествования. Общее направление эволюции Карамзина в трактовке ночи как одной из определяющих культурных универсалий — это постепенное движение от рационалистической символично-аллегорической закреплённости семантического ореола образа к бо-

лее гибкой и подвижной трактовке, связанной либо с разворачиванием психологической нюансировки личностной характеристики героя, либо с размышлениями о сути творческого процесса, которые Карамзин-повествователь нередко связывает с образом ночи.

Именно в прозе Карамзина художественное осмысление ночи как универсалии в полной мере разворачивает свой психологический и текстопорождающий потенциал.

Переходный характер в творческом воплощении ночи как культурной универсалии, обретающей для сентиментально-предромантической эстетики особое значение как время не только горестных философских размышлений, но и творчества, носит прозаический этюд Карамзина «Прогулка» (1789), пожалуй, наиболее тесно связанный с юнговской традицией. Здесь дается наиболее пространная у Карамзина характеристика Юнга как автора: «Имя Йонгово будет во веки священо для тех, которые, имея нежные сердца, чувствуют красоты Натуры, чувствуют — достоинство человека» [7: с. 167]. Бессюжетное строение этого этюда, а также глубокий лиризм определяют особое разворачивание повествования в сенсуалистической парадигме — как цепь внешних впечатлений природы, которые, отразившись в сознании чуткого человека, порождают цепочки разнонаправленных и часто неожиданных мыслей, а те в свою очередь — цепочки эмоциональных реакций, чувств и переживаний. Звенья этой цепи нераздельны («Я размышлял и чувствовал. Мысль сцеплялась с мыслию, чувство сливалось с чувством...» [7: с. 126]), и именно наступающая ночь как воплощение предвечного единства всех энергетических начал бытия, до времени не разделенных и не дифференцированных в изначальном мраке, становится у Карамзина наиболее органичным «фоном», а по сути — условием подобного единства. Ночь оказывается временем наибольшей погруженности в себя («наконец все предметы сокрылись от глаз моих; всё для меня исчезло, всё, кроме — меня самого...» [7: с. 165]), особой чуткости к оттенкам чувств и переживаний, необходимой для самонаблюдения чувствительного повествователя, для которого главным откровением, являющимся в ночи, становится «чувство су-

щества», «животворное чувство» собственной целостности и самостоятельности, и в то же время ощущение изначальной и конечной нерасчлененности бытия — ночного хаоса.

Развертывая «ночной» текст «Прогулки», Карамзин выстраивает две параллельно развивающихся линии «ночных размышлений» героя, т. е. мыслей и чувств, непосредственно порождаемых ночным хронотопом. С одной стороны, это привычное для рационалистического дискурса эпохи утверждение мудрости и благодати Творца, открывающееся человеку в гармонии космического устройства именно ночью. Пожалуй, специфика карамзинского видения здесь — стремление связать созерцание картины ночного неба не только со впечатлениями разума, но и чувства; «но сколько же существенных удовольствий может влить в сердце картина ночного неба! Какое пространное поле открывается для действий моего разума!..» [7: с. 168–169]. Вторая же линия — собственно сентименталистское осмысление ночи не просто как ситуации созерцания универсума, но как ситуации творчества, в которой «ночные» элементы мирообраза определяют направленность развертывания творческого процесса. Идеал такого «ночного» певца — Юнг, названный «любимцем Цинтии» [7: с. 167]. Также упоминаются имена Гомера, Оссиана и Виланда. Детали же художественного осмысления ночи в ее текстопорождающем, творческом потенциале: вновь особый *свет* темного, «блистательными звездами усеянного» неба, *луна-Цинтия*, «которая вливает священное вдохновение в сердца Бардов», увлекающие творческое воображение *сновидения*, и, наконец, способность погрузиться в мир предвечных *духовных сущностей*, открывающийся человеку лишь ночью. В своем текстопорождающем потенциале ночь «Прогулки» обретает эзотерический смысл, и в духе масонской мистики молодой Карамзин видит условием реализации заключенного в универсальной сущности ночи творческого начала лишь посвящение, инициацию чувствительного поэта. Ночь как инициальный хронотоп открывает сокровенное: «Подлинно, никогда человек толь сильно не ощущает сродства своего с Духами, как в тихое время ночи, когда, удаляясь от всех людей и забыв все мир-

ское, смотрит на лазурное небо. Тогда кажется ему, будто весьма тонкая завеса скрывает от него мир бестелесный. Нервы духовного зренья его чувствуют легкие сладостные впечатления духовных предметов, которых лучи проникают сквозь сию завесу» [7: с. 168].

Развитием этих мотивов «Прогулки» становится и бессюжетная зарисовка «Ночь», в которой ночь показана как время покоя природы и добрых сердец, время высшей природной гармонии и любви. Именно изображение любовного чувства проходит лейтмотивом через всю зарисовку и благодаря дважды повторяющемуся мотиву («любезной Хлои, идущей к своему другу» [8: с. 272]), и в мифологической параллели — в истории любви Дианы и Эндимиона, и в горестной судьбе не знавшей любви Филлиды, и, наконец, в изображении алтаря Любви, возле которого встречаются счастливые влюбленные. Психологический рисунок в этом повествовании лишь намечен; герои не знают противоречий и мук любви, они существуют в идеальном, сладостно-идиллическом пространстве, и собственно психологизм, раскрытие внутреннего мира лишь намечается, в основном благодаря передаче сладостного состояния души в сладостном же, проникнутом чувствами «приятности» эфонически-благозвучном стиле рассказчика: «Кристалльный ручеек, резво текущий по зеленому лугу, и тонкою пеною своих маленьких волн окропляющий голубые цветочки и мягкую травку красивых бережков своих! Журчи, шуми в изгибах блестящих, и будь веселым вождем любезной Хлои, идущей к своему другу» [8: с. 272]. Появляется в повествовании и легкая ирония: чуткое ухо восторженного героя принимает за шаги возлюбленной любой звук, разносящийся в окружающем пространстве: «— Хлоя! Нет, это белой кролик, зефиром пробужденный...» [8: с. 275].

Возможности передать собственно психологический рисунок в этом бессюжетном рассказе парадоксально связаны и со своеобразным «умолчанием», скрытым за тире (прием, восходящий к стилистике Стерна и развитый Карамзиным в повести «Бедная Лиза»): «— Я прижимаю Хлою к горячей груди моей — она меня к своей прижимает — густой мрак покрывает мои глаза — тонкое пламя обнимает все существо мое, переливается из нервы

в нерву — ноги мои подгибаются — я плаваю, утопаю в сладостях — забываю самого себя <...> — и мы лишаемся чувства» [8: с. 275–276]. Таким образом, художественная топика, генетически связанная для литературы той поры с поэтической традицией Э. Юнга и обусловленная его мотивами, в творчестве Карамзина обогащается иными ассоциациями, воплощающими «жизнь души» повествователя в самых разнообразных оттенках, от лиризма до легкой иронии.

Трансформация мотивов «ночной» и «кладбищенской» поэзии Юнга в творчестве Державина и Карамзина выявляет целый ряд интересных закономерностей в том «диалоге» с литературной традицией, который вели русские писатели на рубеже XVIII–XIX веков. Свобода этого диалога и первенство индивидуально-творческого начала в нем несомненны; именно потому представляются столь различными те «образы Юнга» — художника и мыслителя, что выстраивают в своих произведениях Державин и Карамзин. Диапазон их трактовок — от религиозно-философского откровения до динамично живой историко-литературной «оценки» и психологического «исследования» — позволил в итоге не просто вписать поэтическую топикку Юнга в арсенал образных средств русской литературы конца XVIII – начала XIX века, но и представил некие «образцы» взаимодействия с западной литературой, в основе которого лежала идея свободного выбора и ничем не ограниченного круга жизненных, философских, психологических и эстетических ассоциаций.

Литература

1. Ганин В.Н. Поэзия Эдуарда Юнга: становление жанра медитативно-дидактической поэмы: дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 267 с.
2. Державин Г.Р. Сочинения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Г.Н. Ионина. СПб.: Академический проект, 2002. 712 с.
3. Заборов П.Р. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. М.; Л.: Наука, 1964. С. 269–279.
4. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 2: Драматургия. Поэзия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 265 с.

5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 719 с.
6. Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1966. 273 с.
7. Карамзин Н.М. Прогулка // Детское чтение для сердца и разума. Ч. XVIII. № 24. М.: Университетская типография, 1789. С. 161–176.
8. Карамзин Н.М. Ночь // Московский журнал. 1791. Ч. 5. С. 271–272.
9. Ларкович Д.Б. Г.Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург: Урал, 2011. 343 с.
10. Левин Ю.Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1970. С. 249–290.
11. Маслова А.Г. Символы времени в поэзии Г.Р. Державина // Русское литературоведение на современном этапе. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 254–256.
12. Стролова А.Г. Рецепция творчества Эдварда Юнга и Томаса Грея в русской поэзии конца XVIII – начала XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 239 с.
13. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII в. Исследования. Материалы, публикации. Кн. II. М.: Языки славянской культуры, 2003. 928 с.
14. Тихомирова Л.Н. Истоки «ночного» сверткста в русской поэзии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 8. С. 226–234.
15. Юнг Э. Вторая Юнгова ночь о времени, смерти и дружбе / Пер. М.В. Сушковой // Вечера. 1772. Ч. 1. С. 105–136.
16. Юнг Э. Из Юнга. Четвертая ночь. Нарцисса / Пер. П. Политковский // Новости русской литературы. 1803. Ч. 5. С. 245–256.
17. Юнг Э. Стихотворческие красоты Эдуарда Йонга / Пер. Мих. Паренаго. М., 1806. 156 с.
18. Юнг Э. Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии: Аглинское творение г. Йонга, С присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью и 3) Вольного предложения из книги Иова, творения сего же знаменитаго писателя. Вновь переведено с аглинскаго подлинника / Пер. С.С. Джунковский. СПб.: Типография Государственной Медицинской Коллегии, 1799. 135 с.
19. Юнг Э. Плачь Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии: В девяти ношах помещенныя: С присово-

куплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, творения сего же знаменитого писателя / Пер. с нем. яз. А.М. Кутузов. 2-е изд. М.: Тип. И. Лопухина, 1785. 187 с.

20. Юнг Э. Юнговы ночи. Ночь I. Размышления о жизни, смерти и бессмертии // Утренний свет. 1789. Ч. IV. Ноябрь. С. 229–254.

21. Юнг Э. Юнговы ночи, в стихах, изданные Сергеем Глинкою. М.: Университетская Типография, 1806. 175 с.

22. *Young E. Young's Night Thoughts, with Life, Critical Dissertation, and Explanatory Notes / By the Rev. George Gilfillan. Edinburgh: James Nicol; London: James Nisbet; Dublin: W. Robertson, 1853. 311 p.*

References

1. *Ganin V.N. Poe'ziya E'duarda Yunga: stanovlenie zhanra meditativno-didakticheskoy poe'my: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1990. 267 s.*

2. *Derzhavin G.R. Sochineniya / Vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. G.N. Ionina. SPb.: Akademicheskij proekt, 2002. 712 s.*

3. *Zaborov P.R. «Nochny'e razmy'shleniya» Yunga v rannix russkix perevodax // Russkaya literatura XVIII v. E'poxa klassicizma. M.; L.: Nauka, 1964. S. 269–279.*

4. *Istoriya russkoj perevodnoj xudozhestvennoj literatury'. Drevnyaya Rus'. XVIII vek. T. 2: Dramaturgiya. Poe'ziya. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 265 s.*

5. *Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / Izd. podgot. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspenskij. L.: Nauka, 1987. 719 s.*

6. *Karamzin N.M. Poln. sobr. stixotvorenij / Vstup. st., podgot. teksta i primech. Yu.M. Lotmana. L.: Sovetskij pisatel', 1966. 273 s.*

7. *Karamzin N.M. Progulka // Detskoe chtenie dlya serdcza i razuma. Ch. XVIII. № 24. M.: Universitetskaya tipografiya, 1789. S. 161–176.*

8. *Karamzin N.M. Noch' // Moskovskij zhurnal. 1791. Ch. 5. S. 271–272.*

9. *Larkovich D.B. G.R. Derzhavin i xudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya. Ekaterinburg: Ural, 2011. 343 s.*

10. *Levin Yu.D. Anglijskaya poe'ziya i literatura russkogo sentimentalizma // Ot klassicizma k romantizmu. Iz istorii mezhdunarodny'x svyazej russkoj literatury'. L.: Nauka, 1970. S. 249–290.*

11. *Maslova A.G. Simvoly' vremeni v poe'zii G.R. Derzhavina // Russkoe literaturovedenie na sovremennom e'tape. M.: MGGU im. M.A. Sholoxova, 2009. S. 254–256.*

12. *Stroilova A.G.* Recepciya tvorchestva E'dvarda Yunga i Tomasa Greya v russkoj poe'zii koncza XVIII – nachala XIX v.: dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2008. 239 s.

13. *Toporov V.N.* Iz istorii russkoj literatury'. T. II: Russkaya literatura vtoroj poloviny' XVIII v. Issledovaniya. Materialy', publikacii. Kn. II. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2003. 928 s.

14. *Tixomirova L.N.* Istoki «nochnogo» sverxteksta v russkoj poe'zii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. № 8. S. 226–234.

15. *Yung E'.* Vtoraya Yungova noch' o vremeni, smerti i družbe / Per. M.V. Sushkovej // Vechera. 1772. Ch. 1. S. 105–136.

16. *Yung E'.* Iz Yunga. Chetvertaya noch'. Narcissa / Per. P. Politkovskij // Novosti russkoj literatury'. 1803. Ch. 5. S. 245–256.

17. *Yung E'.* Stixotvorcheskie krasoty' E'duarda Jonga / Per. Mix. Parnago. M., 1806. 156 s.

18. *Yung E'.* Plach, ili Noshhny'ya my'sli o zhizni, smerti i bezsmertii: Aglinskoe tvorenie g. Jonga, S prisovokupleniem dvux poe'm: 1) Strashny'j sud, 2) Torzhestvo very' nad lyuboviyu i 3) Vol'nago prelozheniya iz knigi Iova, tvoreniya sego zhe znamenitago pisatelya. Vnov' perevedeno s aglinskago podlinnika / Per. S.S. Dzhunkovskij. SPb.: Tipografiya Gosudarstvennoj Medicinskoj Kollegii, 1799. 135 s.

19. *Yung E'.* Plach' E'duarda Yunga, ili Noshhny'ya razmy'shleniya o zhizni, smerti i bezsmertii: V devyati noshhax pomeshhenny'ya: S prisovokupleniem dvux poe'm: 1) Strashny'j sud, 2) Torzhestvo very' nad lyuboviyu, tvoreniya sego zhe znamenitago pisatelya / Per. s nem. yaz. A.M. Kutuzov. 2-e izd. M.: Tip. I. Lopuxina, 1785. 187 s.

20. *Yung E'.* Yungovy' noshhi. Noshh' I. Razmy'shleniya o zhizni, smerti i bessmertii // Utrennij svet. 1789. Ch. IV. Noyabr'. S. 229–254.

21. *Yung E'.* Yungovy' nochi, v stixax, izdannyy'e Sergeem Glinkoyu. M.: Universitetskaya Tipografiya, 1806. 175 s.

22. *Young E.* Young's Night Thoughts, with Life, Critical Dissertation, and Explanatory Notes / Vy the Rev. George Gilfillan. Edinburgh: James Nicol; London: James Nisbet; Dublin: W. Robertson, 1853. 311 p.